

Запись школы общины с Хулианом Карроном

Милан, 24 мая 2017 г.

Текст: Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 184–191; Х. Каррон. «*Радуется сердце мое, ибо Ты живешь, Христе*». *Духовные упражнения Братства «Общениа и освобождения»*. Введение. П. 1–3.

- *Il desiderio*
- *Il seme*

Слава...

Veni Sancte Spiritus

Приступаем к работе над введением к упражнениям Братства, в начале которых мы, цитируя Пеги, задались вопросом о том, по-прежнему ли спасение интересует нас. Что позволило ему остаться интересным? Что позволяет ему оставаться интересным, несмотря на все тяготы и вызовы жизни, несмотря на все проблемы, с которыми мы сталкиваемся, несмотря на всю нашу рассеянность? Какое отношение все это имеет к следованию – сегодня? Что преобладает в нас в настоящий момент? Итак, мы продолжаем начатый путь, который раньше называли, используя слова отца Джуссани, персонализацией веры. Что значит персонализация веры? Значит, что то, с чем мы встретились, становится нашим. И это не может произойти без моего участия. Персонализация невозможна без моей свободы. Это видно из ваших рассказов. Прочту одно из писем, которые я получил от вас. «Я вернулась с упражнений Братства довольно печальной, потому что постоянно соизмеряла себя с тем, о чем ты говорил в лекциях, и не могла дышать. Я немного увидела для себя, но многое из сказанного привело меня в замешательство и осталось для меня на уровне слов, которые мне не удалось облечь в плоть. Все это злило меня. Я ощущала беспокойство и не находила ответ – по крайней мере, так я себя чувствовала. [Такое случается: даже в столь важный момент, как упражнения – мы позже увидим это и в других примерах – человеку может быть трудно. Но Тайна не оставляет нас в одиночестве.] На днях случилось что-то, что позволило мне вновь задышать полной грудью. [И это может произойти совсем не так, как я себе представляю: в определенный мною момент, в определенном мною месте. Нет.] Ко мне на ужин пришли две подруги, и одна из них рассказала, чем были упражнения для нее: ее глубоко тронуло собрание, она услышала именно то, в чем нуждалась. Когда что-то казалось далеким от нее, это ее не злило, а только расстраивало. Я слушала ее, как громом пораженная, и вдруг поняла две вещи. Во-первых, моя подруга поехала на упражнения, осознавая свою нужду, я же нет: у меня даже не было вопросов, я просто ждала чего-то прекрасного, но не более того. Словно моя жизнь, какой я ее устроила, была в полном порядке. Только перед лицом подруги я осознала, как часто в том, что я делаю, недостает смысла и как я желаю заметить на себе чей-то взгляд, как желаю встречи, спасения (то есть как желаю не превратиться в механизм, не свести себя к тому, что делаю). Во-вторых, во время ужина проявлялся мой скептицизм, заставлявший

меня с подозрением смотреть на собеседников [Тайна может послать нам людей, которые способны пробудить нас, но мы порой смотрим с подозрением даже на тех, кого она нам посылает], как только те начинали говорить о соответствии. Мне так и хотелось подловить их на какой-нибудь ошибке [увидеть какую-то неувязку] или удостовериться, что это все правда, а не просто слова. Таким образом я рисковала быть гораздо внимательней к тому, чтобы все укладывалось в рамки, доступные моему пониманию и способности принять, и не искать чего-то для себя! К счастью, моя позиция ни к чему хорошему не привела [видите, борьба разворачивается мгновение за мгновением], и я заметила радость моих подруг. Сегодня с самого утра я думала об этом и, хотя по-прежнему была погружена в повседневные дела, не могла не желать для себя чего-то нового, как это произошло с ними. Какую забывчивость я заметила в себе! Мне кажется, нужны огромные усилия, чтобы оставаться в правильной позиции, поддерживать живым желание. Я уверена, что всегда буду нуждаться в том, чтобы оно пробуждалось, и хочу просить об этом. Что нам может помочь? Как не скатиться в бессознательное ничто, наполненное, возможно, хорошими, но безвкусными вещами? Я в этом мастер, у меня это неплохо получается, но хочу я другого». Так что же нам поможет? Если человек наблюдает за тем, как действует Тайна, в чем заключается для него первая помощь? Можно поехать на упражнения в том состоянии, которое описано в письме, потом встретить кого-то и отнестись и к нему со своего рода скептицизмом. Однако в конце концов наша подруга «не могла не желать для себя чего-то нового, как это произошло с ними». Иными словами, она не могла не заметить, как распахнулась ее нужда, когда она смотрела на своих подруг. Истина передается через зависть! Каким же должен быть наш первый шаг помощи? Нужно следовать за первым потрясением, за вновь загоревшимся желанием. Тайна не читает тебе проповедей, не упрекает, а просто посылает тебе кого-то, глядя на кого, ты ощущаешь в себе желание, из самого твоей утробы рождается желание жить так же, как тот, кто находится перед тобой. Все просто. Достаточно следовать за тем проблеском света, притягательности, который вспыхивает в нас, за искрой, которая дарует нам хоть самую малость нищеты духа. И второе: нужно следовать за свидетельством других людей. Если мы соглашаемся на это, то начинаем видеть, как Тайна отвечает на наши вопросы. В чем состоит помощь, которая позволяет тебе сохранять живым желание? Нужно смотреть на то, как Тайна помогает тебе. Она не останавливается, когда останавливаешься ты, и продолжает предпринимать инициативу самым непредвиденным для тебя образом: посредством друзей пробуждая в тебе желание, которое не в состоянии остановить никакой скептицизм. Ты вдруг замечаешь его в себе и можешь следовать за ним.

Пишу тебе, потому что, вернувшись с упражнений, я очень ясно понял, кто я и как живу. В последние месяцы я несколько отдалился от Движения и, следовательно, от Христа, никогда до конца не разобравшись, почему так произошло. Иногда я искал оправдания в некоторых событиях, случившихся в последнее время, событиях, играющих существенную роль в жизни. Но все эти попытки оправдаться терпели полный крах, когда я сознавал, какое объятие было мне даровано. Так почему же возникает отдаленность? Почему спасение, признанное и пережитое, больше меня не интересует? Откровенно говоря, я еще не нашел ответа на мои вопросы, но на упражнениях мне удалось сформулировать какие-

то варианты. Уже тот факт, что я поехал на упражнения, стал первым знаком. Первым знаком того, что, несмотря на всю мою забывчивость, я не могу не желать полноты жизни. Однако иногда мне хотелось бы вырвать из себя это желание, которое движет меня к тому, чего мое сердце, порой несознательно, жаждет. Иногда я замечаю, что предпочел бы никогда не встретить Христа в Движении (и это, должно быть, мой самый тяжкий грех), потому что в таком случае мое сердце могло бы удовольствоваться чем-то меньшим. Но это больше невозможно: я видел, какого рода счастье несет нам объятие Отца, и не могу притворяться, что не вкусил его сполна. Сейчас, как никогда, я понимаю слова из песни «Монолог Иуды»: «Я предал Его не за тридцать сребренников, а за ту надежду, что Он однажды пробудил во мне». Когда эта надежда, это бесконечное желание не находят отклика в реальности или когда ты не замечаешь отклика, тебе хочется, чтобы это желание никогда не проявилось во всей его мощи. Я пытался, пытался всеми силами желать меньшего, смотрел, возможна ли для меня жизнь без Него, но все заполняла пустота. Я пытался направить мое желание на работу, друзей, на многие другие вещи, но все они со временем утратили былой вкус. Моя работа, которую я всегда очень любил, стала тяжелой и бесплодной. Мне никогда не было на ней так трудно! Моим друзьям я даже не могу сказать о том, что со мной происходит на самом деле. Те самые друзья, которые когда-то были инструментом, с помощью которого Христос явил Себя в моей жизни, сейчас кажутся мне далекими, и мне стыдно за то, как низко я пал, так что я даже не могу об этом ни с кем говорить. На упражнениях все это всплыло на поверхность, стало как никогда ясно, а вместе с тем выявилась и вся низость, на которую я только способен. Желание полноты, счастья, красоты, которые я всеми способами пытался закопать поглубже, расцвели еще пышнее, чем раньше. Одновременно открылась и моя самонадеянная уверенность в том, что я все уже понял и могу теперь сам во всем разобраться. Она стала очевидной в тот момент, когда ты, чтобы указать нам путь, по которому мы должны следовать, заговорил о том, что предлагает нам Движение, – об общем фонде и каритативе. Когда ты их упомянул, первой моей реакцией было отрицание. «Все, конечно, замечательно, но я слишком много работаю, и у меня нет времени на каритативу». Реакция эта отчасти возмутила меня: как, после всего, что я видел, можно отказываться, даже не попробовав? С другой стороны, она зажгла во мне огонек, проливший свет на тот способ, каким я живу в реальности. Его можно было бы назвать противоположностью «нищеты». То есть, даже замечая возможность полноты, я всегда ставлю на первое место меру. Мне невероятно трудно оставить мою меру, и, как я понял из того, что ты говорил на упражнениях, это один из главных моментов, которые нужно понять, чтобы расти. Быть пустым сосудом перед присутствием, постоянно наполняющим тебя, – часто для меня это всего лишь красивый образ, а на самом деле я предстаю перед реальностью полный того, что, как мне кажется, я уже понял и завоевал. Таким образом, я беру от реальности лишь то, что мне требуется, чтобы подтвердить и укрепить мои уже завоеванные идеи. Иными словами, я понимаю, что труднее всего для меня «умереть», чтобы «принести много плода». Порой тяжело сознавать, на какую низость ты способен, особенно в виду всего того, что я встретил, но, возможно, именно отсюда и можно начинать заново.

Благодарю тебя за то, что тебе достало свободы рассказать о том, как обстоят дела в твоей жизни, обо всех твоих трудностях. Каждый из нас мог рассказать бы похожие вещи. Мы не говорим об идеальном мире, мы говорим о реальности, в которой человек может отдалиться и отправиться на поиски чего-то еще, хотя с нами произошла важная, решающая встреча со Христом в Движении. Встреча не ставит окончательную точку. Как говорил Бенедикт XVI, рассказывая о святом Августине (а он-то уж натворил дел), жизнь – не всегда линейный путь. Если такое случилось и со святым Августином, то может случиться и с нами. Поэтому ничто не должно нас шокировать, мы должны смотреть на наши попытки умалить произошедшее с нами и удовольствоваться меньшим и замечать, что их недостаточно, что они бессмысленны. Это дает нам надежду на то, что, несмотря на сложные моменты, описанные выше, нам довелось вкусить чего-то особенного (как блудный сын, у которого был дом, был отец, был опыт определенной жизни). И чем больше мы отдаляемся, тем яснее сознаем инаковость такой жизни. Тогда человек начинает понимать, что нуждается в нищете, в простом признании того, что с ним произошло. Только так мы сможем не мерить нашей мерой то, что отвечает на наше желание, как поет Габер, и, подобно пустому сосуду, примем в нашей нищете все то, что Он дает нам. И постепенно, как ты сказал в конце, мы замечаем, каким образом живем; потихоньку то, что мы повторяем, становится твоим, и несмотря на трудности жизни, от которых никто нас не избавит, в нашу меру входит что-то иное, распаивающее ее. Еще в одном письме говорится: «Невероятно, как на расстоянии многих лет отец Джуссани столь точно описывает опыт, который я переживаю в последние годы, как он во всех подробностях видит отупение моей жизни и отдаленность, отчужденность, которые становятся во мне все более реальными [вот отдаленность Христа от сердца]. Если бы ты только знал, как иссохла во мне любовь, как недостает во мне источника добра и как я чувствую его нехватку. [Как ты говорил: то, что тебе нравится больше всего, например, работа или друзья, все становится безжизненным, иссыхает даже наша любовь.] Я знаю, что Иисус – начало моей подлинной жизни, но [возникает «но»] моя жизнь постоянно останавливается. Каждый раз, когда ты говоришь, что вопрос в свободе и воспитании, я чувствую собственную несоразмерность. Мне бы хотелось только вернуться на путь, на котором мне не делают никаких скидок». Понимаете, почему Пеги поднимает тему свободы? Не то чтобы с нами ничего не произошло, со всеми нами случилось какое-то событие, но нашим оно станет лишь при участии нашей свободы.

Я хотел бы задать тебе пару вопросов, которые родились во время упражнений, и даже раньше. Первый: о какой свободе ты просишь, почти молишь нас? Почему я задаю тебе этот вопрос? Сделаю шаг назад. В интервью, которое ты дал испанскому изданию JotDown, прекрасным мне показалось не только содержание твоих ответов, но прежде всего то, что я увидел в нем цельного человека, выражающего уверенную непосредственность. Точно так же я заметил, что изумление от визита папы в Милан родилось во мне по сути по той же самой причине: я увидел красоту и притягательность цельного «я», не тратящего времени и сил на предпосылки. И дело прежде всего не в его силе, а в том, что он, как магнитом, притянут ко Христу. Меня по-настоящему поразило,

что ты процитировал интервью, в котором кардинал Скола, говоря о папе и о нас, западных людях, определяет европейцев как наследников интеллектуальных и доктринальных разделений. Я никак не могу отнести себя к интеллектуалам, потому что я аграрий, но, несмотря на это, я сознаю, насколько правильно это замечание. Мы словно бежим стометровку с тяжелым рюкзаком за плечами. Глядя на папу и на тебя, я сознаю, что часто живу именно так. Большая часть затруднений, которые я испытываю (отдаленность от Христа, которую порой замечаю) и плодотворность моего времени (плохое его использование делает Христа далеким от нас) зависят от того, что часто инстинктивно я считаю, будто быстрее и эффективнее доказать что-то с помощью мыслительных построений, а не с помощью простого признания. Иногда у меня складывается ощущение, что привычка анализировать вещи прежде, чем обнять их, замедляет меня, и я как будто противопоставляю оно другому. Второй вопрос заключается в том, случается ли такое и с тобой. И что от этого освобождает? Расскажу об одном простом факте, которым со мной поделилась подруга, преподающая рисование в средней школе. Он никак не выходил у меня из головы, и это хороший знак, означающий, что факты начинают составлять компанию и мне. Эта моя подруга организовала внеклассный урок рисования для тех, кто увлечен предметом и хотел бы больше им заниматься. Она заметила одного мальчика, который не слишком хорошо рисовал, но все равно хотел приходить. Растерянная, она не знала, как поговорить с ним, и решила дождаться прихода матери, чтобы обсудить ситуацию с ней. Когда мать пришла, моя подруга затронула этот вопрос, и мать сказала: «Да, я говорила с ним, и он ответил: “Я хочу ходить на урок, потому что эта учительница любит меня!”» Эта история помогает мне лучше понять, в какой свободе я так сильно нуждаюсь. Необходима простота, какой обладают папа и этот мальчик, позволяющие важной для них любви привлечь их. Это не слабость мысли, а сила опыта, не поддающегося умалению! Когда я смотрю на мой опыт, мне кажется очевидным следующее: если я признаю эту преобладающую любовь и позволяю ей привлечь меня, то смогу понять и дышать полной грудью посреди всех частных; если же я ставлю на первое место частность или мое рассуждение о ней, то начинаю задыхаться и вижу, как Христос становится все дальше, а это неизбежно разбивает мне сердце. Упражнения вновь воплотили для меня в жизнь эту любовь ко мне, и в ее свете я испрашиваю для себя свободы и простоты того ученика.

Ты поднял важнейший вопрос, когда сказал: «Порой я считаю, будто быстрее и эффективнее доказать что-то с помощью мыслительных построений, а не с помощью простого признания». Почему мы поддаемся этому искушению? Что за ним стоит? Уже какое-то время мы живем в эпоху нового времени, и, как говорил кардинал Скола в интервью, которое ты упомянул, являемся наследниками интеллектуального и доктринального мировоззрения. Мы думаем, будто достаточно произнести красивые слова, чтобы их содержание стало нашим. Меня всегда поражал знаменитый текст Канта, в котором очень сжато выражена суть проблемы. В нем говорится: «Если бы Евангелие не научило бы нас всеобщим нравственным нормам [основополагающим ценностям] в их целостности, то разум не познал бы их в полноте [то есть то, что делает жизнь жизнью, донесло до нас именно Евангелие. Это утверждает Кант. В чем

же проблема? Это становится ясно из того, что он говорит дальше]. Однако, когда они уже имеются, всякий человек способен убедиться в их справедливости с помощью одного лишь разума» (I. Kant. *Questioni di confine*. Genova: Marietti 1820, 1990. P. 105). Христос уже позволил нам открыть в чистом и совершенном виде то, что нам нужно для жизни, а раз так, то достаточно и разума, достаточно мысли чтобы впредь признавать это, Христос нам уже больше не нужен, нет необходимости следовать за тем, с чем мы сталкиваемся. И поэтому свобода сводится всего-навсего к использованию разума, и мы думаем, будто таким образом вещи становятся нашими. История же снова и снова доказывает обратное. Чего же тут недостает? Возможно, самый простой способ понять это заключается в том, чтобы прочитать продолжение знаменитой главы про Безыменного из «Обрученных» Мандзони, которую мы цитировали на упражнениях, и посмотреть, что происходит со свободой Безыменного. Кардинал Федерико обращается к нему, говоря: «“Не подумайте..., что с меня довольно на сегодня этого вашего посещения [он уже не может удовольствоваться лишь единственной встречей, он хочет вновь увидеть его]. Вы вернетесь, не правда ли?” – “Вернусь ли я? – отвечал Безыменный. – Да если бы вы прогнали меня, я, как нищий, упорно стоял бы у ваших дверей. Я должен говорить с вами, слышать, видеть вас! Вы мне необходимы!”» Христианство именно в этом и состоит. Человеческая свобода пробуждается перед лицом присутствия, притягивающего нас целиком и полностью. Свобода есть простота, в силу которой человек ощущает, что кто-то играет важнейшую роль для его жизни, и осознает, что ему необходимо к нему вернуться. И это происходит обоюдно. Не только Безыменный нуждается в кардинале, но и кардинал нуждается в Безыменном, замечая, как говорил отец Джуссани, те крохи истины, что находятся у него в карманах. И поэтому свобода заключается в том, чтобы следовать за притягательностью, излучаемой тем присутствием. Зачем? Чтобы не потерять его, чтобы не потерять присутствие, которое принесло в жизнь очарование и притягательность. И это противоположно волюнтаризму, или морализму, или титаническому усилию воли. Нужда, а не мыслительные построения: «Я должен говорить с вами, слышать, видеть вас! Вы мне необходимы!» От мыслительных построений нет никакого толку, потому что, как говорит Кант, если нам не будет дано, мы не сможем понять, не дойдем до понимания своим умом. В чем наша ошибка? Мы полагаем, что, раз мы однажды что-то получили, нам уже не нужно возвращаться к тому, от кого мы это получили. Так мы можем думать и о Движении. Кто-то скажет: правда, что без Джуссани мы не поняли бы определенных вещей, но теперь, когда у нас на руках есть тексты, нам достаточно нашего разума, нам уже не нужно следовать. Каждый может мешать тексты, как ему угодно, но давайте посмотрим, хватит ли этого, чтобы ответить на наши потребности. А Иоанн и Андрей не занимались размышлениями, они просто пошли проведать Его на следующий день. Любой, кто найдет Его и поймет, что Он есть ответ на наши нужды, будет подобно Безыменному «упорно стоять под дверью, как нищий». Вот что такое нищета, вот что значит сознавать природу нашей нищеты: нам недостаточно просто примкнуть к неким рассуждениям, усеченным с интеллектуальной точки зрения, нам необходимо вернуться к тому присутствию. «Если я признаю эту преобладающую любовь и позволяю ей привлечь меня, то смогу понять и дышать полной грудью посреди всех частных; если же я ставлю на первое место частность или мое рассуждение о ней, то начинаю задыхаться». Каждый должен на опыте

пережить это и проверить, что позволяет ему дышать полной грудью, что выявляет его желание – желание вернуться.

Мы постоянно сталкиваемся с такими примерами в ваших свидетельствах. «Я ощущаю, что нахожусь под свинцовым куполом, – пишет одна из вас. – Каким же образом можно правильно жить и учитывать все факторы реальности, включая и меня саму? Как не отступить от реальности?» и снова нам на помощь приходят свидетельства многих из вас: «Хочу поделиться с тобой радостью и изумлением, охватившими меня и растрогавшими меня до слез. Я относительно новый человек в Движении [вот дар, который Тайна дает нам, – простота новых людей], но в то же время я все еще открыта и испытываю жажду, во мне все сильнее устремленность, и поэтому я хочу передать тебе мою смиренную благодарность за упражнения, которые стали настоящим даром благодати. Не буду говорить, сколько у меня было возражений (слишком много людей в отеле, суматоха и очереди во время обедов, слишком холодно, а потом слишком жарко, слишком долго нужно сидеть, слишком рано просыпаться, слишком сумасшедший ритм... и ко всему прочему слишком дорого для меня). Я приехала на упражнения, полная возражений и в то же время безоружная, знающая, что я не знаю. [Кажется ерунда, но на самом деле, это уже немало. «Знающая, что я не знаю».] и тогда толпа [все то, что вызывало возражения] преобразилась во множество дружеских лиц, в одну огромную семью, в людей, чьи лица радостны, несмотря на страдания, болезнь, жизненные тяготы. Все говорило с моим сердцем. [Все, что раньше было возражением, начало говорить.] и все было для меня, все говорило обо мне! и как же сейчас мне хочется рассказать, что мое сердце переполнено радостью, как хочется мне поделиться всем этим с дорогими мне людьми! Не знаю, как лучше выразиться: я словно созерцала произведение искусства или красоту творения, природы. Редко когда у меня так перехватывало дыхание и я замирала с полуоткрытыми глазами, ослепленная, в надежде, что все это никогда не закончится, и одновременно настолько ошеломленная, что невозможно было произнести и слово. Я предвкусила рай!» Только если мы безоружны, если знаем, что не знаем, все начинает говорить с нашим сердцем и перестает быть бременем. И тогда мы становимся способными встречать лицом к лицу трудности, которые снова и снова встают перед нами. Другая наша подруга говорит: «После первых недель, полных воодушевления и благодарности за произошедшее на упражнениях, вновь погружаешься в скуку обыденных вещей, в одиночество и в усталую апатию. Во мне словно происходит то, о чем ты говорил на упражнениях: “В какие-то мгновения наша душа поднимается... “пробуждается”, приходит в движение, однако [затем] в повседневности все становится бременем. Эти два момента мысли и взгляда словно никогда не связываются между собой, разве только извне”. Я нахожусь именно в этой стадии. И что значит жить здесь и сейчас памятью о Христе? Как подобный момент может стать шагом к большей сознательности, шагом на пути познания?»

Если я задумаюсь о том, что в последние месяца преобладает для меня в течение дня, то назову разного рода проблемы, загромаждающие мое время и мысли. На школе общины нас научили, что смотреть в лицо проблемам – первая форма любви, то есть открытия любви Бога. Прошу тебя помочь мне лучше разобраться в этом. Я понимаю, что прекрасно не только достижение цели (зачастую установленной мной), прекрасен также и путь,

когда по нему идешь. А путь, как я замечаю, становится таковым, когда происходящее становится разговором с Тем, Кто творит меня через все, что происходит.

Все, что кажется нам возражением, может перерасти в разговор с Тем, Кто творит нас. Сделать это на самом деле очень просто. Это делают все ваши дети. Проблемы и память не находятся по разные стороны жизни. Что делают ваши дети, когда они просыпаются по утрам и им одиноко? Плачут, кричат, ищут. Они ничего больше и не могут делать, как только искать. То есть их желание увидеть лицо мамы рождается не откуда-то извне, а из самого их нутра. Все просто. Вопрос в том, осознаем ли мы, что все происходящее с нами служит тому, чтобы подтолкнуть нашу память о Его присутствии, как детям все напоминает о маме: когда ребенок голоден, когда он напуган, когда ему чего-то не хватает, и он не оставляет тебя в покое, когда он просит о чем-то... — все, все, все для него становится возможностью отношения. И это созидает жизнь, и перед ребенком открывается возможность все более близких отношений с матерью, и он становится все уверенней в том, что с мамой жизнь лучше, полнее. Это характерно только для детей или же в детях мы наблюдаем динамику, свойственную самой человеческой природе, в силу которой жизнь становится жизнью, когда она находится в диалоге, в отношении с Тем, Кто является мне Отцом. И все это происходит не вовне, под давлением морализма, но в рамках отношений. У детей просто нет такой проблемы, ему неизвестно, что такое морализм. Не то что он должен так вести себя, ему необходимо так вести себя, он совпадает со своим криком, он не разделен надвое. Он настолько совпадает с самим собой, что неизбежно, едва открыв глаза, желает войти в отношение с тем, кто творит его, и в тот момент это мама. Если мы не ведем себя так, все для нас становится возражением. Представьте, если бы ребенок сказал: «Нет, не буду ее искать», — чем стала бы для него жизнь, его день? В определенный момент мы утрачиваем сознание о подлинной природе нашего «я», о подлинной природе нашей нищеты. Уже будучи взрослым, человек возвращается к ней, подобно Безыменному, которого никто не сможет у волочь от дверей кардинала, где он упорно ждет, как нищий, потому что ему необходимо видеть его. Вот проблема жизни. Чем дольше мы идем к пониманию этого, тем тяжелее жизнь. Когда же человек учится этому, все начинает говорить с ним, все становится все более принадлежащим ему. Тайна, создавшая нас, ничего не хочет нам навязывать, она полагается на нашу свободу и желает, чтобы спасение стало нашим, моим, твоим.

У меня два вопроса. Первый связан с цитатой Пеги: «Когда узнаешь, что такое быть любимым свободно, теряешь вкус ко всякой покорности. / Когда узнаешь, что такое быть любимым свободными людьми, поклонение рабов уже не трогает. / <...> Ничто столько не весит, ничто столько не стоит». Эта фраза меня поражает и в то же время немного злит, потому что я бедный ограниченный человек, часто говорящий нет. Но все-таки я была сотворена свободной, и потому желаю, чтобы на меня смотрели как на свободного человека, и хочу сама научиться так смотреть на других людей. Мой вопрос в следующем: если свобода не только не мешает мне говорить нет, но даже позволяет мне это, хотя при этом жизнь обедняется, как мне научиться использовать свободу, чтобы говорить да и ничего не терять? Второй вопрос касается письма, которое ты читал в начале

введение, в котором говорится: «Ведя мою борьбу и идя по пути огромной благодати, по которому ты призываешь нас идти, я понял, что жизнь прекрасна не потому, что в ней все в порядке и полностью соответствует моим представлениям о ней. Жизнь прекрасна, потому что каждый день в ней есть возможность отношения с Тайной, и все способно стать вызовом, помогающим открыть это отношение и получить что-то для себя. Освободиться от тревоги и страха... мне позволил опыт непредвиденного, скрывающего в себе что-то, уготовленное для меня, некую возможность углубления отношений с Тайной». Мой вопрос: это правда, что вся реальность положительна, что реальность – это нечто благое? и не потому, что в ней нет трудностей, а потому, что даже посреди трудностей и проблем, с которыми каждый сталкивается, можно открыть для себя нечто великое. Правда ли, что все вещи, все факты, все обстоятельства, данные нам, содержат в себе возможность отношения с Тайной, что все способно подтолкнуть тебя к открытию этого отношения и приобретению чего-то. Правда ли, что такое возможно даже в том, что кажется надутельством? Мне кажется, ты говоришь революционные вещи, потому что весь мир утверждает обратное.

Это революционная мысль! Но видите, как, несмотря на все произошедшее с нами, у нас остается последнее сомнение в положительности реальности. Она и в самом деле положительна? Правда ли, что все вещи, все факты, все обстоятельства, данные нам, содержат в себе возможность отношения с Тайной, что все способно подтолкнуть тебя к открытию этого отношения и приобретению чего-то? Я могу уверить тебя: так оно и есть. Но мои уверения не слишком тебе помогут, если ты не дойдешь до них в рамках твоего собственного опыта. Ты слышала, что реальность положительна, но недостаточно повторять правильные фразы, чтобы они стали твоими. И тут мы возвращаемся к вопросу о свободе: ничто не станет моим, ничто не станет твоим, если ты сама не совершишь проверку, если каждый раз ты не идешь на риск, чтобы проверить. Вот почему в «Религиозном чувстве» отец Джуссани говорит, что «истинный поиск всегда, в конечном счете, подразумевает существование положительного ответа, а иначе человек не ищет. Поэтому, если реальность бросает человеку вызов, то воспитание свободы должно быть воспитанием способности отвечать на этот вызов». Ты сможешь понять, положительна ли реальность, только в том случае, если последуешь. Послушайте, что говорит Джуссани. В чем заключается это воспитание? Как каждый из нас объяснил бы слово «воспитание»? Именно в этом состоит работа на школе общины: в сравнении того, что мы думаем, с тем, о чем он говорит. А о чем он говорит? «Воспитание “алчущих и жаждущих” делает внимательными к побуждениям, которыми наполнено сопоставление со всей реальностью [то есть нужно алкать и жаждать побуждений, исходящих от реальности]; готовыми принять любой оттенок ценности, то есть серьезного обещания в ответ на существенную нищету нашего бытия. [Тут нужна свобода. И Иисус говорит] блаженны алчущие и жаждущие [потому что, как мы уже сказали, все становится полезным для них, все принадлежит им, каждая вещь говорит с ними, и все умножается – именно поэтому такие люди блаженны. Не потому, что для них жизнь складывается как-то по-другому. Нет. Они блаженны, потому что, благодаря их голоду и жажде, все говорит с ними. Как говорил святой Августин: реальность с одними говорит,

а для других остается безмолвной, немой. Нет, не так, поправляется он. Она говорит со всеми, но понимают ее лишь те, кто соотносят ее с собственным сердцем, с его голодом и жаждой. И потому блаженны алчущие и жаждущие.]. Горе [же] тем, кто не алчет и не жаждет, тем, кто уже знает, тем, кто не ждет ничего. Горе удовлетворенным, для которых реальность в лучшем случае – лишь повод для их эмоций и которые не ждут от нее ничего действительно нового». Если человек отталкивается от положительной гипотезы, он может что-то открыть, а если им движет негативная гипотеза, то, даже если ответ есть, он не найдет его. Важно в рамках нашего опыта понять то, о чем мы говорим, поскольку в противном случае мы все потеряем. А чтобы понять, нужна открытость. Вот почему борьба, как пишет еще одна наша подруга, разворачивается между двумя позициями. И когда занимаешь правильную позицию, все, даже «злость преобразуется в глубокую взволнованность; в точности как Безыменный перед кардиналом, я еще раз заметила, что в глубине сердца нуждалась в отношении со Христом присутствующим. В дни упражнений и после них я жила не только огромной благодарностью, но и прежде всего сильным желанием вновь приняться за работу и углублять мою веру, к чему ты постоянно нас призываешь и что я уже давно не принимала всерьез». Вот наша проблема. Мы можем говорить об этом, но в глубине души не принимать всерьез. И тогда все превращается, как говорит Джуссани, лишь в повод для наших эмоций, но мы не относимся к этому всерьез. И мы повторяем эти вещи, и нам надоедает слышать их, поскольку нам кажется, что мы все уже проверили, хотя часто мы даже не начинали. Итак, борьба разворачивается между попытками замкнуться в себе перед лицом собственных ошибок и постоянной забывчивости и, с другой стороны, ясной и уверенной позицией, берущей начало именно в этой забывчивости, которая является в действительности знаком моей подлинной нужды. Наши ошибки не имеют значения. Блудный сын вернулся домой из глубочайшей пустоты. В этом нет никакой проблемы. «Ничто, в конечном счете, не может воспрепятствовать нам начать все заново, потому что именно так я начинаю сознавать мою подлинную нужду». Но это необходимо проверить.

Сейчас, как в начале, когда одна девушка после Крестного пути посмотрела на меня бескорыстным взглядом, взглядом, который сказал мне: «Ты благо для меня» и отменил прочие интересы, и день спустя, возможно, не сознательно, я стал возвращаться к тем людям и в те места, где я увидел тот взгляд; сейчас, как и тогда, мне ясно, что я, со всей моей ограниченностью, порой не поддающейся описанию, встретил То, что спасает меня и мир. Но сейчас еще больше я понимаю и ощущаю как нечто крайне важное – важное, как дыхание – тот факт, что сообщить об этом другим, можно лишь живя! Я читал не которые последние тексты на испанских сайтах, твои интервью и статьи, и во мне словно разгорелась пламя, я почувствовал необходимость проверить то, что я заметил в твоих последних выступлениях. И потому я со всеми об этом говорю и со всеми пытаюсь проверить то, о чем ты говоришь. Несомненно, все это напрямую связано с работой на школе общины и упражнениями Братства, и поразительно, как то, что спасает меня, совпадает с тем, что способно спасти мир. Путь, который мы проделываем, позволяет расширить возможности делиться друг с другом вопросами, возникающими у всех нас, когда мы сталкиваемся с обстоятельствами повседневной жизни, и оказываемся

самым ценным материалом для выстраивания выигрышной человеческой позиции – для меня и для всех. По сути, наше дело – спрашивать, вот наша работа, а ответ заключается в том, что Иисус происходит в нашей жизни, происходит не благодаря нашим усилиям; только тот, кто просит, может признать Его. В тех исторических обстоятельствах, в каких родилось Движение, когда церкви были полны, но не было веры, отец Джуссани подарил миру, передал ему свою харизму. А сейчас ты даришь нам суждение, соответствующее настоящему моменту, и доказываешь, что интуиция Джуссани применима и к сегодняшним временам, когда церкви пусты, а вера не существует в виду отсутствия человека. В последние два года моя работа претерпевает большие трудности, однако они не гасят пламени. Напротив, я благодарен за все проблемы и за все мои страдания, и, думаю, я еще не сошел с ума, ведь именно страдания позволили мне осознать мою нищету и не дали затихнуть моей просьбе. Иисус – причина, по которой я встаю по утрам. Этого никогда недостаточно, но Он есть и постоянно говорит мне, что я благо для Него. Вот чудо более великое, чем решение всех моих проблем, и ради него я отдаю все мои силы.

Почему Он важнее решения проблем? Мы-то обычно думаем, что все наоборот. Почему возвращается десятый прокаженный, хотя его проблемы уже были разрешены? Потому что наша нужда не в решении проблем, она гораздо глубже. И даже если только один человек признает это, он свидетельствует нам, какова наша подлинная нужда. Нужда в Нем. Все, что происходит в жизни, все, что заставляет нас страдать, или же чудеса – как в случае с исцелившимся прокаженным, все нам дано, чтобы мы проверили то, что с нами случилось. И так человек понимает, что случившееся с ним предназначено для всех, и, чем он в этом увереннее, тем сильнее желает быть в реальности, чтобы проверить для себя самого, что то, что истинно для него в его повседневной жизни, истинно для всех, поскольку ведет к беспримерной уверенности. Так все становится возможностью совершить подобную проверку, возможностью пути. А путь и правда прекрасен.

В скором времени нас ожидают административные выборы По этому случаю мы разместили на сайте Движения материалы, которые помогут подготовиться к этому событию. Один из них – заключение на встрече ответственных Ломбардии, во время которого один наш друг простым и ясным способом свидетельствовал нам о том, как, несмотря на окружающую его атмосферу недоверия в отношении политики, у него родилось желание созидать что-то ради общего блага. Поразительно, что для этого не нужно никакое указание сверху. В такой непростой атмосфере из самой глубины человеческого «я» родилось желание ответить. Он рассказал нам, как не некоторые его друзья просто приняли всерьез один вопрос их приходского священника, встретились, чтобы посмотреть на реальность, в которой они живут, вынести о ней суждение и сформулировать свои предложения. В свою очередь люди, с которыми они потом встретились, также включились в это дело, когда увидели, как кто-то действовал. В ходе их общения возникла идея свидетельства о том, чем могут быть для нас выборы. Мы не должны оставлять без внимания ничего из того, с чем нам приходится сталкиваться, проверяя, насколько то, что мы встретили, пробуждает наше «я» и позволяет

нам чутко улавливать нужды – наши собственные и других людей, с которыми мы живем. Этот текст может лечь в основу диалога о наших попытках вносить свой вклад в общее благо – как в связи с выборами, так и в повседневной жизни.

Второй текст – листовка Движения, в которой мы объясняем, исходя из нашего опыта, почему обращаем такое пристальное внимание на выборы.

Следующая школа общины состоится в среду, 21 июня. Мы продолжим работать над введением к упражнениям Братства и рассмотрим пункты 4–6.

Каникулы. Время каникул и отпусков ясно свидетельствует о том, что нас интересует в жизни. Отец Джуссани всегда говорил: мы осознаем, что нам дорого, именно в свободное время, а не тогда, когда мы обязаны – зарплатой и профессией – делать те или иные вещи. В свободное время я решаю, чего хочу, и так становится понятно, что для меня важно, что я не могу не брать в расчет. Попробуем посмотреть, какое место во время отпуска занимает молитва, работа над школой общины, чтение, поиск подлинных отношений, иными словами интересно ли нам принимать всерьез нашу нужду. Берет ли наша нужда отпуск или же и в отпуске не оставляет нас? На этот вопрос важно ответить, в том числе и чтобы понять, в чем для нас состоит настоящий отдых, и не вернуться после лета еще более уставшими, нежели до него.

Евхаристическая процессия. Напоминаю всем нам об участии в Торжестве Тела и Крови Христовых в ваших епархиях. Это очень простой способ научиться дышать вместе со всей вселенской Церковью.

Veni Sancte Spiritus

Всем доброго вечера!